

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЗНАЧЕНИЕ ГРАФИТИ XI—XIV ВВ. ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТАРШЕГО ПЕРИОДА

Основное различие во взглядах исследователей разных направлений на природу древнерусского литературного языка определяется в первую очередь в зависимости от решения вопроса о том, каким образом и с какими результатами происходило взаимодействие церковнославянской книжной традиции и явлений живой разговорной речи в древнерусском литературном языке¹. Этот вопрос оказывается наиболее существенным для понимания характера и природы древнерусского языка в целом. С этой точки зрения памятники письменности самой различной жанровой принадлежности, взятые во всем их своеобразии, дают важный и ценный материал.

История древнерусского литературного языка опирается на факты, извлекаемые в основном из литературных памятников — церковных и светских. Но не менее важными являются и другие — памятники «бытовой» письменности, не принадлежащие к сфере литературы, к определенным литературным жанрам. Из них оказывается возможным извлечь много самых разнообразных фактов, важных и интересных историку русского литературного языка. О необходимости ввести в научный обиход всевозможные письменные источники по истории русского литературного языка писал Ф. П. Филин: «Среди этих источников особое место занимают весьма многочисленные, обычно очень краткие надписи на стенах церковных сооружений, сосудах, крестах, памятных камнях, монетах, печатях, оружии, разного рода хозяйственных и бытовых предметах и других древних и старинных вещах. Эти надписи, за немногими исключениями, вовсе не пущены в исследовательский обиход историков русского языка, причем равнодушные к ним языковеды поразительно»². В последнее время лингвисты все чаще обращают внимание на материал русской эпиграфики³.

¹ См., например: В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, в кн.: «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961, стр. 4—113; е го ж е, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, ВЯ, 1969, 2; В. О. Унбегун, Le russe littéraire est-il d'origine russe?, RESL, 44, 1965; В. О. Унбегун, Язык русской литературы и проблемы его развития, «VI Congrès international des slavistes. Communication de la délégation française et de la délégation suisse», Paris, 1968; В. О. Унбегун, Историческая грамматика русского языка и ее задачи, сб. «Язык и человек», М., 1970.

² Ф. П. Филин, Об одном важном источнике истории русского языка, сб. «Вопросы теории и истории языка», Л., 1963, стр. 318.

³ См.: Н. В. Подольская, Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник (по материалам XI—XIV вв.), сб. «Исследования источников по истории русского языка и письменности», М., 1966; И. Е. Еселевич, Древнерусские надписи XI—XIV вв. как историко-лингвистический источник, сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка», 2, Чебоксары, 1962; е е ж е, Отражение некоторых фонетических явлений в языке записей и приписок XI—XVI вв. на древнерусских пергаментных рукописях, сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка», 4, Ижевск, 1965; е е ж е, Исследование о языке записей и приписок XI—XVI вв. на древнерусских пергаментных рукописях. Автореф. канд. диссерт., Горький, 1963; Д. П. Шулаева, К истории русского языка в XIII в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи ГПБ Пог. 12). Автореф. канд. диссерт., Л., 1970.

Приписки и записи на полях рукописей, сделанные писцом, владельцем или читателем, деловые документы — договорные грамоты, духовные завещания, купчие, берестяные грамоты — письма, юридические документы, бытовые тексты — вот круг письменных памятников древней Руси, выходящих за пределы литературы в собственном смысле слова. К ним, несомненно, примыкают и памятники вещевой палеографии, часто разбросанные, не собранные полностью, содержащие короткие надписи на разных культовых и бытовых предметах, на иконах, на серебряных платежных слитках и надписи-граффити на стенах зданий.

Наиболее полный обзор материалов русской эпиграфики и истории их изучения дан М. П. Сотниковой, которая сформулировала задачи в этой области знаний, состоящие в выявлении, фиксации, систематизации материала, в выработке принципов точной датировки и создании справочно-хронологических таблиц, в сопоставлении русских надписей с южнославянскими кирилловскими, в библиографии надписей⁴. Выполнение этих собственно эпиграфических задач делает возможным лингвистическое изучение данного материала; возникающие здесь трудности связаны в первую очередь с тем, что публикация большинства надписей-граффити разбросана по разным периодическим изданиям, они не выделены из массы публикуемого археологического материала, многие из надписей еще не опубликованы, а сами тексты надписей лаконичны и отрывочны.

До сих пор филологические вопросы изучения надписей ставились и разрешались лишь в той мере, в какой это было необходимо для верного прочтения и интерпретации текста⁵. Из всех памятников бытовой письменности языковому анализу с наибольшей полнотой подвергнуты новгородские берестяные грамоты, которые со времени своего открытия в 50-е годы нашего века привлекли всеобщее внимание историков и филологов. Языку грамот посвящена специальная книга⁶, не говоря уже о многочисленных статьях, рассматривающих самые различные языковые явления новгородского диалекта⁷.

Поскольку хронология берестяных грамот всегда может быть соотнесена с абсолютной датировкой строительных ярусов раскопа, где грамота найдена⁸, новгородские берестяные грамоты приобретают первостепенное значение для выполнения одной из важнейших задач эпиграфики — построения надежной хронологической шкалы. Благодаря этому свойству можно более или менее точно, во всяком случае, точнее, чем по каким-либо другим документам, датировать те или иные языковые явления, что чрезвычайно важно для истории древнерусского литературного языка и его диалектных вариантов. Изучение берестяных грамот важно и в собственно теоретическом отношении. В результате их изучения намети-

⁴ М. П. Сотникова, Русская эпиграфика в советское время, сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1970, стр. 107.

⁵ См.: Б. А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI—XIV веков, «Свод археологических источников», вып. Е1-44, М., 1964; С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской, Киев, 1966.

⁶ «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955.

⁷ Н. А. Мещерский, Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка, «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, 1958, 1, 2; е го ж е, К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот, «Уч. зап. Карельск. пед. ин-та», XII, Петрозаводск, 1962; е го ж е, К филологическому изучению берестяных грамот, «Вестник ЛГУ», Серия истории, языка и литературы, 1970, 20, 4; В. И. Боровский, Берестяные грамоты и некоторые вопросы исторического синтаксиса русского языка, сб. «Проблемы сравнительной филологии (сб. ст. к 70-летию В. М. Жирмунского)», М.—Л., 1964.

⁸ М. П. Сотников, указ. соч., стр. 89.

лись две точки зрения. Приверженцы одной из них считают, что язык, на котором написаны грамоты (независимо от их жанровой принадлежности) — это язык разговорный, живой, не подвергшийся какой-либо литературной обработке⁹. Другие утверждают, что язык грамот нельзя считать лишь отражением новгородского диалекта, что это язык письменности, претерпевший влияние церковнославянского языка, определенных литературных формул¹⁰. По сути дела, различное понимание природы языка грамот идет от различного понимания природы и состава древнерусского литературного языка раннего периода; в свою очередь, изучение языка берестяных грамот дает дополнительный материал для интерпретации характера литературности древнерусского языка.

Изучение языка записей и приписок на полях рукописей имеет свою длительную историю¹¹. Именно эти памятники письменности чаще других привлекали внимание филологов. И. И. Срезневский в «Древних памятниках русского письма и языка»¹² поместил рядом с приписками и записями в рукописях и надписи на различных предметах, в том числе надписи-граффити, так как он считал их важными памятниками древней письменности. Всестороннему изучению подверглись надписи на серебряных платежных слитках, ранее выпадавшие из поля зрения исследователей¹³. М. П. Сотниковой установлено, что «чрезвычайным палеографическим сходством с письмом берестяных грамот, новгородскими оборотами в языке и правописании и т. п. надписи на слитках подтверждают новгородское происхождение русских серебряных платежных слитков XII—XV вв.»¹⁴. И все же собственно лингвистические вопросы изучения надписей на слитках затронуты не были. Так же и надписи на иконах совсем не изучались с этой точки зрения. О необходимости филологического изучения надписей-граффити говорилось не раз¹⁵. Палеографический анализ надписей позволяет сделать вывод об их формальной близости к надписям на серебряных платежных слитках и берестяным грамотам. «По способу начертания букв грамоты на бересте ближе всего стоят к надписям-граффити, сделанным по раствору»¹⁶.

Переплетение церковно-религиозной и бытовой сфер жизни в сознании древнерусского человека нашло отражение в сложном характере языка надписей. Для того чтобы судить, насколько он был связан с литературной традицией, важно отграничить бесспорно бытовые, диалектные элементы в языке этих памятников.

⁹ Р. И. Аванесов, Фонетика, в кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955; В. И. Боровский, Лингвистические данные новгородских грамот на бересте, в кн.: «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.)», М., 1958 и в кн.: «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.)», М., 1958; Л. П. Жуковская, Новгородские берестяные грамоты, М., 1959; сб. «Палеографический и лингвистический анализ...».

¹⁰ Н. А. Мещерский, Существовал ли «эпистолярный стиль» в древней Руси? (Из заметок о грамотах на бересте), «Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь Б. А. Ларина», Л., 1963, стр. 212—217.

¹¹ А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, 2-е изд. СПб., 1908; И. И. Срезневский, Славяно-русская палеография, СПб., 1863; В. Н. Щепкин, Русская палеография, М., 1967.

¹² И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, СПб., 1863.

¹³ М. П. Сотникова, Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (Вопросы техники и эпиграфики). Автореф. канд. диссерт., Л., 1958; е е ж е, Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв., «Труды ГЭ», IV — Нумизматика, Л., 1961.

¹⁴ М. П. Сотникова, Русская эпиграфика в советское время, стр. 92.

¹⁵ См.: Ф. П. Филин, Об одном важном источнике истории русского языка; Н. В. Подольская, указ. соч.

¹⁶ А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), М., 1963, стр. 14.

Надписи-граффити, конечно, ограничены по своей тематике, они охватывают не столь широкие сферы общественной и частной жизни, как береговые грамоты, но тем не менее и они содержат довольно разнообразный материал. Обратимся к надписям, вошедшим в корпус русских датированных надписей Б. А. Рыбакова¹⁷, надписям из Софии Новгородской, частично опубликованным В. Н. Щепкиным¹⁸, частично А. А. Медынцевой¹⁹, надписям из церкви Федора Стратилата²⁰, церкви Спаса-Нередицы²¹, надписям из Киевской Софии, опубликованным С. А. Высоцким²², надписям из церкви Климента в Старой Ладоге²³ — всего 211 текстов различной сохранности. По содержанию их можно разделить на тексты церковные — votивные и поминальные и тексты не церковные — светские, т. е. надписи, близкие к летописным известиям, и бытовые (это относится прежде всего к надписям из Новгорода). Между ними имеются и жанровые различия. Так, некоторые надписи носят фольклорный характер (надписи в Новгородской Софии и в церкви Федора Стратилата в Новгороде), одно из граффити Киевской Софии представляет собой юридический документ. Среди надписей Мартирьевской паперти Новгородской Софии есть текст, имеющий соответствия с кондаком Романа Сладкопевца²⁴.

Больше всего среди граффити надписей молитвенного характера, содержащих традиционную формулу *господи, помози* и часто этой формулой и ограничивающихся. Так, в Киевской Софии есть запись Михаила-Святополка Изяславича: *гѣ помози рабу своєму миѣхилу*²⁵; там же запись Ставра Гордятича: *гѣ помози рабу своєму стгазроки недостойному рабуу тѣ[сему]*²⁶. Многочисленны надписи такого рода на стенах Новгородской Софии и церкви Спаса-Нередицы²⁷. Среди материалов из Старой Лодогы есть несколько кусочков обмазки с процарапанными надписями различной сохранности: *гѣ по[мози]*²⁸. Помимо этой традиционной формулы, часты надписи, сделанные рядом с фресковым изображением какого-либо святого и обращенные к нему. В Киевской Софии подобного рода записи обнаружены около изображений святых Онуфрия, Николы, Стефана, Артемия, 40 севастийских мучеников²⁹ и других: *сѣи м мѣченици помозагѣ рабѣж сѣ[сему]*³⁰; *сѣи [о]нуфрииѣ направи ма на пѣта истанзнии спаси дшѣ грѣшнѣ*³¹. Среди надписей Новгородской Софии есть несколько

¹⁷ Б. А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI—XIV вв., М., 1964.

¹⁸ В. Н. Щепкин, Новгородские надписи graffiti, «Древности. Труды Московского Археологического общества», 19, III, М., 1902.

¹⁹ А. А. Медынцева, Глаголические надписи из Софии Новгородской, «Советская археология», 1969, 1; е е же, Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской, «Советская археология», 1970, 4.

²⁰ А. А. Медынцева, Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде, сб. «Славяне и Русь», М., 1968.

²¹ В. К. Мясоедов, Спас-Нередицы. Фрески Спаса-Нередицы, Л., 1925.

²² С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи Софии Киевской, Киев, 1966.

²³ Гос. Эрмитаж, Отдел Истории Первобытной культуры (Далее — ОИПК ГЭ), хранение 54, 1480, ящ. 10—19 (не опубликованы).

²⁴ Указание на данную аналогию принадлежит Н. А. Мещерскому.

²⁵ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи..., № 28, стр. 80, табл. XXXI, 1; XXXII, 1.

²⁶ Там же, № 19, стр. 57, табл. XXIII, XXIV. Буквы, взятые в квадратные скобки, не сохранились полностью. Скобками же отмечены места, не поддающиеся прочтению.

²⁷ В. Н. Щепкин, Новгородские надписи graffiti, XXXIII, табл. IV, 21, стр. 9.

²⁸ ОИПК ГЭ, хранение 54, 1480/22—26, ящ. 12.

²⁹ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи..., № 39, № 40, № 41, № 42, № 46, № 64, № 66, № 67, № 68.

³⁰ Там же, № 42, табл. XXI, 1; XII, 1.

³¹ Там же, № 68, табл. XIII, XIV.

содержащих обращение непосредственное к святой Софии, покровительнице Новгорода: *сктаа софие поми^{ли}и* [] *стзакскамица* н³².

Обширную группу составляют надписи поминального характера. Появление их на стенах храма вполне естественно. «Общая память была фактом осознанного существования. В этом смысле именно летописи и функционально близкие к ним памятные знаки (могилы и надписи на памятниках, сами памятники, надписи на стенах зданий, топонимика), а не исторические тексты в прагматическом изложении, представляя не объяснение событий, а память о них, могли выполнять для коллектива функцию знака существования»³³. Поэтому так много среди граффити надписей о чьей-либо смерти — просто прихожанина, посадника, митрополита, князя: *мца но[авра] кз .ср. пр[стакиса] фькла* ³⁴; *мца снт[ав]ра [пр]стакиса рабз* ³⁵ (материалы из Старой Ладogi); *прстакиса посадни[кз] касилти мтс[ауа] сент[авра] на паматз ст[а] м[унци] феклзи* ³⁶ (из церкви Федора Стратилата); *мца акзгоуста кз прстакиса рабз бжи* *лѣка еппз в^жении вѣлогородскзи* ³⁷; *кз .ср. ф^з мца фтврари к жзпене цра нашго кзкз* [] *ѡшдѡра* ³⁸ (надписи из Киевской Софии). Поминальные надписи по своей функции близки к записям-маргиналиям на полях рукописей.

Несмотря на свою отрывочность, надписи-граффити ценны тем, что они сравнительно разнообразны по содержанию. Запись в Киевской Софии о покупке Бояновой земли сразу же после публикации ее С. А. Высоцким ³⁹ привлекла к себе внимание не только тем, что она сохранила редкий топоним *Бояня-земля*, образованный от имени *Боян* ⁴⁰, ранний глагол *крити*, но и тем, что эта запись является одним из самых древних юридических документов, обнаруженных на стене Киевской Софии. Вот текст этой записи: *мца юнара кз .л. стто ип[оли]та крила землю кнагзи — н бояню || ксеголожа а перезд стю софию || перезд попз а тѣ взила по || пинз іакимз дзмило пателі || стипзко михалко нѣжанович || мил данило марко самбюнз михал || елисакинуз иванз танзубинз || тѣдорз тобззюнкз .илдз копз || локича тѣдорз взрзатиуа а перезд тими послѣхы кѣпи землю кна || гзины бояню кзю а кздала на нєи || семдєсатз грибанз соболи а кз томз || драница семдєсѣтѣ грибанз.*

Среди надписей Новгорода не найдено записей подобного рода, но существовали надписи, обращенные к князю, построившему храм, записи о постройке и росписи храма. Так, в церкви Спаса-Нередицы существовала надпись (правда не граффити, а сделанная кистью фрескиста) рядом с фресковым изображением князя: *нз о болюбикзи кнаже вторзи ксеголода злѣа облича доврзиа мѣа правѣа корма, і кса цѣркєвнзиа уинз і манастзирєскзиа ликы млєстїкєнз іма (но) о млєст(їкє)ує кто тѣсѣа доврѣтєли можєт истїно дажз во цѣрєстїи нєсєє сз вѣтми скти ѡгожєшим ти кз*

³² Фотоархив ЛО ИА АН СССР, кол. 163, нег. II 25557.

³³ Ю. М. Логман, Статьи по типологии культуры, «Материалы к курсу теории литературы», 1, Тарту, 1970, стр. 9—10.

³⁴ ОИПК ГЭ, хранение 54, 1480/27, ящ. 13.

³⁵ ОИПК ГЭ, хранение 54, 1480, ящ. 12.

³⁶ А. А. Медынцева, Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде, стр. 442; XIV в.

³⁷ С. А. Висоцкий, Древнерусские надписи, № 10, табл. XIII, XIV; XI в.

³⁸ Там же, № 8, табл. IX, 1; X, 2; XI в.

³⁹ Там же, № 25, табл. XXIV, XXVIII; XII в.

⁴⁰ В. П. Андрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., Л., 1968, стр. 51—52.

бесконзана кѣкз дминз⁴¹. В церкви Спаса Преображения на Ковалевом поле сохранилась надпись о росписи ее: кѣ лѣто .s.ŭ пѣ потъписанъ вѣтѣ храмъ господѣ бѣ спса нашего іса хрѣта а при князи келѣкомъ дмитри ивановичѣ и при преемщенемъ архіепискупѣ новгородскомъ алектѣи а повелѣнемъ хрѣба вожда офанасѣа степановича и подрѣжи его маріи а сѣкзшисѣ мѣа двѣгѣта⁴². Такого типа надписи с датой постройки и именами заказчиков широко известны и имеют аналогии с летописными записями. Встречаются граффити, сделанные непосредственно мастерами-живописцами. Так, среди граффити Киевской Софии есть подпись мастера грека рядом с исполненной им фреской: $\kappa\epsilon\ \beta\omicron\iota\tau\eta\ \tau\omicron\nu\ \sigma\omicron\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu\ \Gamma\epsilon\omicron\rho\gamma\eta$ ⁴³. Совсем недавно было опубликовано А. А. Медынцевой несколько граффити из новгородской Софии, сделанные мастером, принимавшим участие в росписи собора: [с]тѣфанъ ѡлз ед(зи) [п]сѣхъ стѣжю софию⁴⁴. Близость граффити по содержанию к припискам и записям писцов на полях рукописей определяет их стилистическое родство. Самая цель надписи — оставить память, ее относительная случайность, непосредственность, с которой она написана, роднит граффити с записями на полях рукописей, маргиналиями, приписками писцов, владельцев, читателей. В текстах граффити и записях на полях рукописей встречаются надписи аналогичного характера. Так, в октябрьской Минее за 1096 год, написанной для Новгородского Лазаревского монастыря (из собрания ГПБ), читаем: господи помози рабоу своему григори...; григорѣа ѡлз к лѣто .s.х.а мѣсѣа марта кѣ кт⁴⁵. Подобные записи в большом количестве найдены и на стенах новгородской Софии: ги помози рабоу своему лоуцѣ⁴⁶, кѣзѣма ѡлз⁴⁷, исакѣа ѡл[] акрамѣа⁴⁸. Запись в Минее из собрания ГПБ и надпись в Софии близки по своей орфографии, глагол ѡлз употреблен в идентичной форме. Желание прихожан оставить свое имя для поминания в церкви легко находило воплощение в уже существовавшей формуле. Обилие и разнообразие этих имен очень ценно для ономастики; среди них есть определенное количество имен, не известных по другим письменным источникам.

Явления быденной жизни нашли свое отражение и в бытовых записях на полях рукописи, и в граффити на стене здания. Например, на юго-западном столбе церкви Спаса-Нередицы читаем запись (вероятно, XIV в.): кѣ лѣтинъ днѣ кѣзѣа проскурница пшениц[у]⁴⁹. Октоих середины XVI в. из Софийского собрания ГПБ содержит на последнем листе у корешка запись: «вышла проскурнице пшеница на праскуры от Василья

⁴¹ И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стр. 219, до 1200 г.; В. К. Мясоедов, Фрески Спаса-Нередицы, табл. LVІ (1, 2).

⁴² И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стр. 112, 1380 г.; А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., М.—Л., 1952, № 131.

⁴³ С. О. Висоцкий, Напис художника-фрескиста XI ст. в Софійському соборі у Києві, «Український Історичний журнал», 1969, 6, стр. 119.

⁴⁴ А. А. Медынцева, Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской, стр. 142.

⁴⁵ И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стр. 20.

⁴⁶ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1626.

⁴⁷ В. Н. Щепкин, Новгородские надписи graffiti, ХХІ, табл. VI, 30, стр. 7.

⁴⁸ Фотоархив ЛО ИА АН СССР, кол. 163, нег. III 7308.

⁴⁹ Фотоархив ЛО ИА АН СССР, кол. 163, нег. III 6658.

Заговенья Петрово две недели на память св. отца Тихона Чюдотворца»⁵⁰. Эти записи разновременны, но по содержанию предельно близки.

В граффити отразились различные сферы общественных отношений и, конечно, прежде всего область церковно-религиозная. Вместе с тем тексты надписей часто содержат бытовые детали, передающие атмосферу повседневной жизни Киева и Новгорода. Киевская София сохранила совсем немного записей такого характера, например: *блѣдѣ сътворилъ кѣ сѣагѣ дѣна*⁵¹. В основном эпиграфический материал Киевской Софии дает сведения о церковной и общественно-политической жизни княжеского Киева, и не случайно поэтому софийские граффити близки по своему характеру летописным записям и по языку, и по тематике. Гораздо богаче представлены надписи, включающие элементы бытовой лексики, в храмах Новгорода. Об этом свидетельствуют надписи из церкви Федора Стратилата: *а се помята на полатахъ оу сѣго покровѣ*⁵²; на стене лестницы, ведущей на хоры: *помѣу вѣбромѣ козѣтѣ рѣки*⁵³; о попоке *скѣщци оукѣ[а]наитѣ[е] [сѣ ѿ] пѣанасѣтаба*⁵⁴.

Наличие надписей на стенах соборов само по себе говорит о широком распространении грамотности в XI—XIV вв. Авторы граффити (в Киеве в большей степени, чем в Новгороде) — различные церковные служители, духовенство и монашество — были носителями византийско-русской образованности. Об обучении грамоте свидетельствует надпись в Михайловском притворе на южной стене в Киевской Софии: «Пишан писал в дѣяки ходи выучеником»⁵⁵.

Итак, что может дать исследование языка граффити и вообще памятников бытовой письменности для истории древнерусского литературного языка? Прежде всего, оно позволяет рассматривать языковые черты этих памятников в общей системе древнерусского литературного языка. С другой стороны, в языке надписей сохранились черты (в плане фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики), которые можно рассматривать как отражение диалектных черт произношения, а иногда — неграмотности писца. Взаимодействие двух языковых стихий — складывающихся литературных традиций и разговорной речи — было существенным фактором образования древнерусского литературного языка. «Богатое содержание и широкий состав древнерусской письменности и литературы, которая уже в начальный период своей истории в XI—XIII вв. культивировала, кроме религиозно-философских, также повествовательные, исторические и народно-поэтические жанры, свидетельствует о быстром развитии древнерусского литературного языка на церковнославянской основе, но с многообразными включениями в его структуру элементов восточного словесно-художественного творчества и выражений живой бытовой речи»⁵⁶. Памятники эпиграфики представляют интерес как отражающие восточнославянские черты древнерусского литературного языка

⁵⁰ Картотека записей и приписок рукописей Софийского собрания ГПБ, составленная Н. Н. Розовым (не опубликована). Шифр: Соф. 136.

⁵¹ С. А. Высоцкий, Древнерусские надписи..., № 14, табл. XIX, 1; XX, 1; XI в.

⁵² А. А. Медынцева, Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде, стр. 446.

⁵³ Там же, стр. 449.

⁵⁴ Там же, стр. 449.

⁵⁵ С. А. Высоцкий, Древнерусская азбука из Софии Киевской, «Советская археология», 1970, 4, стр. 138. Представляется более правильным чтение в этой надписи *ходи*, а не *ходив*, как читает С. А. Высоцкий, так как здесь ясно усматривается 3-е лицо аориста от глагола *ходить*.

⁵⁶ В. В. Виноградов, Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в., ВЯ, 1969, 6, стр. 6—7.

и бытовые элементы в его составе. В. В. Виноградов придавал большое значение изучению народной стихии, проявляющейся в деловой письменности, ее роли в формировании древнерусского литературного языка. Он считал, что его история не может быть оторвана от истории «восточнославянской — устной и письменной — бытовой речи»⁵⁷. Именно в ее изучении он видел непосредственные задачи исследования истории языка⁵⁸. О важности изучения разговорной речи в составе памятников письменности говорил Б. А. Ларин⁵⁹. При исследовании лексического состава надписей-граффити необходимо выделить в них восточнославянские и церковнославянские элементы, так как их соотношением и взаимодействием определяется характер языка памятников. Важно определить, «что нужно считать церковнославянизмами на всех уровнях языка и каков был их удельный вес в разные эпохи как в отдельных жанрах письменности, так и в языке обиходном»⁶⁰. С этой точки зрения основной вопрос изучения языка древнерусских надписей XI—XIV вв. — рассмотрение взаимодействия складывающихся литературных формул, становящихся традиционными, и живой разговорной речи, местных особенностей языка, диалекта. Существование среди граффити записей молитвенного характера, поминальных записей, непосредственно связанных с церковной обрядностью, т. е. текстов, где славянизмы были единственным средством передачи нужного содержания, а также бытовых записей (это прежде всего относится к граффити из церковных зданий Новгорода), в языке которых отразились черты новгородского диалекта, говорит о том, что эти памятники бытовой письменности являются новым и важным источником по изучению древнерусского языка раннего периода. Любопытно, что в языке молитвенных и поминальных граффити, содержащих устойчивые формулы и трафаретные выражения, проявляются диалектные черты (например, запись о смерти посадника Василия). И наоборот, язык нецерковных по содержанию записей не свободен от книжного влияния, от «литературности», которая определена самим характером надписи, сделанной в храме (например, запись о покупке Бояновой земли). Граффити, являющиеся непосредственными записями, сделанными однажды, которые не столь подвержены письменной традиции и которые можно более или менее точно датировать и локализовать, представляют собой важные источники изучения разговорных элементов в процессе формирования древнерусского литературного языка. Поскольку живую речь древней Руси трудно отграничить от диалекта, то сопоставление надписей Новгорода и Киева может выявить в их языке общенародные черты, характерные для языка древней Руси в целом, и местные черты, характерные для киевского койне и новгородского диалекта. Формы койне, языка устной деловой речи, по А. В. Десницкой, «имели наддиалектный характер, в известной мере отражавший исходное состояние большой близости между собой восточнославянских письменных диалектов»⁶¹.

⁵⁷ Там же, стр. 15.

⁵⁸ В. В. Виноградов, указ. соч.

⁵⁹ Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси, в кн.: «Начальный этап формирования русского национального языка», Л., 1961.

⁶⁰ Ф. П. Филин, Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков, ВЯ, 1970, 5, стр. 14.

⁶¹ А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970, стр. 26.